

КАМЕННАЯ
— ПЕСНЯ —
УРАЛА

ПАВЕЛ БОГАТОВ

Павел Богатов

Каменная песня Урала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73177103

SelfPub; 2026

Аннотация

«Каменная песня Урала» – мифологическое фэнтези, рождённое из башкирских эпосов и сказаний. Когда древний холод с горы Ташлытау грозит уничтожить мир, спасти его может только Айтуган, наследник Урал-батыра. Его оружие – не меч, а сама память земли.

Его путь – путешествие по реальным легендарным локациям Южного Урала: от священного Иремеля и пещеры Шульган-Таш до озера Тургояк и хребта Таганай. Ему предстоит собрать рассыпанную песнь мира, услышав голоса духов гор, рек и древних мифов, чтобы восстановить утраченную гармонию.

Уникальная особенность книги: после каждой главы вас ждёт справочный блок, раскрывающий реальную географию Южного Урала, а также эпосы и легенды, вплетённые в сюжет.

Это история о том, что величайшая магия – умение слушать. Откройте книгу и начните путешествие в сердце древних гор.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Холод из Ташлытау	8
Глава 2. Наследник, который не помнит	12
Глава 3. След Волчьего Вожака	19
Глава 4. Брод Аждахи	28
Глава 5. Слезы Агидель	35
Глава 6. Озеро, Рождённое Грозой	41
Глава 7. Дочь Озера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Павел Богатов

Каменная песня Урала

Предисловие

Дорогой читатель,

Перед тобой – не просто фэнтези. Это путешествие в сердце древнего мира, чьё дыхание до сих пор гудит в ущельях Уральских гор, а песня разливается по бескрайним степям Башкирии. «Каменная Песня Урала» – это мифологическое и фольклорное фэнтези, корни которого уходят не в вымышленные вселенные, а в плоть и кровь реальной земли: её гор, рек, озёр и лесов.

В основе этой истории лежит великий эпос «Урал-батыр» – стержень башкирского духовного мира. Но эта книга – не адаптация одного сказания. Это симфония мифов, сотканная в новую сагу. Я взял архетипический каркас героического фэнтези – квест, наследие предков, борьбу с мировым злом – и наполнил его уникальной, дышащей плотью башкирских и уральских легенд: о происхождении созвездий, о духах гор и вод, о волке-прародителе, о сестрицах-реках Агидель и Караидель, о сотворении озёр и рождении ветров.

Главная уникальность этой книги – в её неразрывной свя-

зи с реальной топографией. Каждая гора, каждая река, упомянутые в повествовании, существуют на самом деле. Их имена, их очертания и легенды, сложенные о них веками, стали персонажами этой истории. Магия здесь рождается не из пустоты, а из памяти камня и течения воды. Чтобы вы могли полностью погрузиться в этот мир на стыке вымысла и реальности, я привожу краткий справочник ключевых локаций в конце каждой главы, которые станут вехами на пути нашего героя. В произведение сюжет разворачивается на реальных природно-ландшафтных территориях Южного Урала:

Гора Ямантау (Ямантау, «Злая гора»).

Где находится: Южный Урал, Белорецкий район Башкортостана.

Факты: Высочайшая вершина Южного Урала (1640 м). В переводе «злая, плохая гора». По легендам, на её склонах или в недрах обитали злые силы, дивы или сам Шульган. В эпосе «Урал-батыр» – могущественный противник, символ враждебного начала.

В книге: Символизирует оплот темных сил, место древней битвы, оставившей шрам на земле.

Река Агидель (Ағизел, «Белая река»).

Где находится: Крупнейшая река Башкортостана. Исток – на хребте Уралтау, к востоку от горы Иремель.

Факты: Впадает в Каму. В легендах – старшая и мудрая дочь Урал-батыра, превращённая им в реку, чтобы дарить

жизнь земле. Её сестра-близнец Караидель («Чёрная река») олицетворяет подземные воды.

В книге: Живое воплощение памяти Урала, проводник и советчик героя. Её течение – это голос самой земли.

Озеро Аслыкуль (Асылыкүл).

Где находится: В 150 км от Уфы, крупнейшее озеро Башкортостана.

Факты: Карстового происхождения. По легенде, образовалось, когда разгневанная земля поглотила богатый аул за грехи его жителей, а на месте провала хлынула вода. С ним связан миф о прекрасной дочери озера.

В книге: Портал в мир глубинной памяти земли, место встречи с духами предков.

Хребет Крыкты (Кырыкты).

Где находится: На границе Башкортостана и Челябинской области.

Факты: Известен своими живописными скалами-останцами. Название связывают с числом «сорок» (кырык) – возможно, по количеству вершин или батыров.

В книге: Место, где время течёт иначе, а в скалах застыли древние воины, охраняющие покой гор.

Гора Иремель (Ирэмэл).

Где находится: Вторая по высоте вершина Южного Урала, священная гора.

Факты: Место силы в башкирской мифологии, ассоциируется с воротами в иной мир, обителью духов и верховного

божества. Восхождение на неё долгое время было связано с табу и ритуалами.

В книге: Финал пути, место последнего испытания, где соединяются небо и земля, миф и реальность.

Это лишь несколько ключевых точек на карте нашего путешествия. Каждая скала урочища Мурадымово, каждый перевал хребта Машак, каждый исток реки Белой хранит свою историю, которая вплетается в общую песню.

Моя задача как автора была не просто пересказать, а оживить этот ландшафт, заставить горы говорить, а реки – петь свою вековую боль и надежду. Добро пожаловать на Южный Урал, каким вы его ещё не знали – в мир, где каждый камень помнит эпос, а ветер доносит отголоски битв богов и героев.

С верой в силу сказаний,

Павел Богатов

Глава 1. Холод из Ташлытау

Ветер на перевале всегда пел по-особенному – не завывал, а насвистывал сквозь щели в скалах, будто перебирал мелодии невидимого курая. Айтуган прислушался, стоя на краю обрыва. Внизу, в долине, уже зажигались первые огоньки в их ауле, тонкие струйки дыма из труб растворялись в свинцовом предвечернем небе. Но песня ветра сегодня была не той. В ней слышалась фальшивая нота, ледяная и колкая, будто кто-то вставил в древний инструмент треснувшую кость.

Он повернулся к горе. Ташлытау, Каменная гора, возвышалась слева, её плоская вершина терялась в набегающих тучах. С детства он знал историю: сотни лет назад именно здесь разверзлась земля, поглотила леса и родила озеро Асылыкуль. Говорили, в ясные дни со дна озера до сих пор виднеются вершины затопленных сосен. А в дни, подобные нынешнему, гора будто вспоминала старое и начинала ворчать. Но сейчас она не ворчала. Она молчала. И эта тишина была страшнее любого гула.

Спускаясь по тропе к аулу, Айтуган наткнулся на первую приметку. У корня старой лиственницы, там, где всегда лежал сухой мох, теперь блестела странная изморозь. Не пушистый иней, а острые, как иглы, кристаллы, выросшие за ночь вопреки календарю и тёплому ещё солнцу. Он присел, тронул их пальцем. Холод обжёг кожу не физически, а изнутри,

тоскливым и чужим холодом забытой глубины. Он отдернул руку, сердце ёкнуло.

В ауле его ждала мать с беспокойством в глазах. «Старейшины зовут, – сказала она, не глядя на печь, где булькал казан. – К Белой юрте. Пришла беда, сынок».

Белая юрта стояла на отшибе, её войлок был выбелен временем и дымом священных трав. Внутри пахло сушёной полынью, овечьим жиром и старостью. Сидевшие по кругу аксакалы были похожи на корни тех же лиственниц – узловатые, твёрдые, вросшие в эту землю. В центре, на кошке, лежала горсть почерневшей пшеницы. Колосья были скрючены, будто от ужаса.

«Смотри, Айтуган», – сказал самый древний из них, Усман-атай. Его голос был похож на скрип камня о камень. Он взял один колос, и тот рассыпался в пальцах не в зерно, а в чёрную пыль. «Поля ниже Ташлытау. Вчера ещё наливались. Сегодня... это.»

«Мороз? Слишком рано», – начал было Айтуган.

«Не мороз», – перебил другой старик, указывая тростью в сторону горы. «Это дыхание. Из провала. То самое дыхание, о котором говорил мой дед, а его деду – его дед. Оно возвращается, когда мир забывает свои сказки».

В юрте стало тихо. Тихо так, что слышно было, как трещит фитиль в светильнике. Айтуган почувствовал, как на него ложится тяжёлый, невидимый взгляд всех присутствующих. Он был потомком рода, ведущего начало от сподвижников

самого Урал-батыра. Об этом говорили редко, почти шёпотом, но забыть это не давали никогда.

«В легендах сказано, – заговорил Усман-атай, глядя на пламя, – что Урал искал источник живой воды, чтобы победить смерть. А Шульган, его брат, хотел, чтобы смерть царствовала вечно. Их битва родила наши реки и горы. Но битва не закончилась. Она уснула в камне. Сейчас что-то её будит. Что-то, что помнит дорогу из-под земли».

«Что мне делать?» – спросил Айтуган, и уже ненавидел себя за этот прямой, молодой, глупый вопрос.

«Ты ничего не должен. Но ты можешь пойти, – глаза старика встретились с его глазами. – Не с мечом. Мечом нельзя убить сказку. Иди с вопросом. Спроси у гор, помнят ли они своё имя. Спроси у рек, куда течёт их печаль. Спроси у волков, куда ушёл их вожак, что привёл наших предков на эту землю. Собери разбросанную песню по нотам. Может, тогда мы вспомним, как ей подпевать. И как её усмирить».

Ночью Айтуган не спал. Он стоял у окна и смотрел на тёмный силуэт Ташлытау. Гора была похожа на спящего зверя. Или на могилу великана. Он думал не о подвигах, не о славе. Он думал о той фальшивой ноте в песне ветра. Он думал о чёрной пыли, в которую обратился хлеб. Он думал о беззвучном зове, который вдруг отозвался в глубине его собственной груди, как эхо из колодца.

Это был не страх. Это было прозрение.

Он взял со стены курай деда – тростниковую флейту, глад-

кую от времени. Поднёс к губам, но не заиграл. Он просто слушал, как ветер гудит в её пустых отверстиях. Это и была первая нота. Первая нота той песни, которую ему предстояло найти, или сложить заново.

А за окном, над немой громадой Ташлытау, тучи вдруг расступились, открыв клочок звёздного неба. И там, ярко и холодно, сияли семь точек, семь сестёр, навечно сбежавших от зла на небеса. Они казались единственным указателем в предстоящей тьме.

География и мифы главы

***Аул Карагай-Юрт** : Вымышленное поселение в предгорьях, представляющее типичный башкирский аул, жизнь которого тесно связана с циклами природы и легендами.*

***Гора Ташлытау (Каменная гора)** : Реальная гора, связанная с легендой о возникновении озера Асылыкуль. В книге представлена как источник надвигающейся угрозы – «дыхания Шульгана».*

***Белая юрта** : Ритуальное место собраний старейшин, символизирующее традицию и хранимую мудрость народа.*

Глава 2. Наследник, который не помнит

Три дня прошло с тех пор, как в Белой юрте рассыпалась в черную пыль пшеница. Три дня, за которые тихий холод с подножья Ташлытау добрался до окраинных домов аула Карагай-Юрт. Он не приходил метелью, не скрипел под ногами, как зимний наст. Он подкрадывался тише мышиноного шороха: преждевременный иней убивал последние цветы на палисадниках, колодцы начинали выдавать воду с прогорклым привкусом медной руды, а по утрам на брёвнах срубов выступала не роса, а липкая, студенистая влага, не высохавшая даже к полудню.

Айтуган провёл эти дни в странном оцепенении. Слова старейшин висели в нём тяжёлым, неотвеченным вопросом. «Иди с вопросом», – сказал Усман-атай. Но какие вопросы задавать камням? Как спрашивать дорогу у ветра, который лишь завывает, не разбирая слов? Он был наследником рода, чья родословная, казалось, уходила корнями в самую толщу гор, но что это значило на деле? Он умел седлать коня, метко пускать стрелу из отцовского лука, знал, как вязать аркан и читать следы на влажной земле. Но от него ждали умения читать следы на самой земле, на её древнем, каменном теле.

На четвертое утро его разбудил голос матери, звучащий

глухо, будто из-под земли:

– Вставай, сынок. К нам идут.

Из окна он увидел процессию. Не спеша, по единственной улице аула, двигались женщины, от старейших до совсем юных. В руках они несли не угощения и не дары. Они несли полотняные мешочки с землёй. С землёй своего очага, своего рода. Во главе шла старая Гульбика, вдова сэсэн, хранительница мелодий, которые не записывались ни на что, кроме человеческой памяти. В её морщинистых руках лежал не мешочек, а небольшой глиняный кувшинчик с узким горлышком.

Айтуган вышел навстречу, сердце колотилось где-то в горле. Женщины выстроились полукругом перед их домом. Молчание было таким плотным, что в нём звенело.

– Айтуган, сын Азамата, внук Булата, – заговорила Гульбика, и её голос, хриплый от лет и безмолвных песен, был похож на скрип старого дерева. – Ты уходишь к горам. Ты уходишь спрашивать. Но как пойдёшь ты навстречу духам гор с пустыми руками и пустой душой? Ты должен взять с собой нашу память. Память о том, что ты охраняешь.

Одна за другой женщины подходили, открывали свои мешочки и горстью насыпали тёмную, пахнущую дымом и травами землю в большой кожаный поясной кошель, который мать Айтугана вынесла из дома. Каждая говорила шёпотом:

– Это с поля, где мой отец впервые вспахал целину.

– Это из-под порога, на котором смеялись мои дети.

– Это с могильного холма моего мужа, что смотрит на восток.

Когда очередь дошла до Гульбики, она не стала высыпать землю. Она протянула Айтугану кувшинчик.

– Это не земля. Это вода. Не простая. Это вода, собранная с семи родников, что бьют у подножья семи священных гор: Иремеля, Ямантау, Шайтан-Тау, Караташ... – она перечислила все имена, и каждое звучало как заклинание. – В каждом таком роднике – частица силы того места. В каждом – своя песня. Смешав их, мы получаем не напиток, а ключ. Ключ к слуху земли. Испей глоток, когда забудешь, зачем идёшь. Но помни: выпить это – значит принять на себя их тяжесть. Тяжесть всех наших гор.

Айтуган взял прохладный кувшин, чувствуя, как под глиной пульсирует что-то живое, словно слабый сердечный толчок. Груз ожиданий стал осязаемым, давящим на плечи.

– Я... я не знаю даже, с чего начать, – признался он, и в его голосе впервые зазвучала не юношеская дерзость, а растерянность настоящего наследника, осознавшего меру своего незнания.

– Начни с начала, – сказала Гульбика. – Все дороги нашего народа начинались у волчьей тропы. Разве тебе не рассказывали? Прежде чем стать людьми, мы были одним из родов Волка. Он вывел нас из-за гор, из страны вечного тумана, и привёл сюда, к этим солнечным долинам. Его дух не умер. Он спит в глубине лесов у хребта Машак, там, где камни по-

хожи на застывших зверей. Иди туда. Спроси дорогу у старого лесника Рахима. Он водил в те дебри ещё твоего деда. Но будь осторожен. То, что помнит дорогу, может помнить и голод.

После того как женщины ушли, оставив его с тяжелым кошелём памяти и глиняным ключом, Айтуган отправился на дальнюю заимку к Рахиму. Лесник жил один в низкой, вросшей в склон избушке, крытой дранкой и мхом. Он был стар, как сами корни лиственниц вокруг, и его борода, седая и жёсткая, казалось, была соткана из лесного света и теней.

Услышав вопрос Айтугана, он долго молчал, крутя в пальцах самокрутку из грубого табака.

– Волчий Узкой, – наконец произнёс он хрипло. – Так мы называем ту тропу. Ни на одной карте её нет. Она есть только в памяти леса и тех, кто помнит себя частью леса. Твой дед, Булат, ходил туда. Раз в год, в осеннее равноденствие. Говорил, должен напоминать себе, от чьего корня мы произросли. Но это не место для праздных прогулок, парень. Там... там время течёт иначе. Камни смотрят. Деревья дышат. А Волк... Волк не всегда бывает в настроении говорить с теми, кто забыл его язык.

– А как вспомнить язык? – спросил Айтуган.

– Не вспомнить. Услышать, – старик прищурился. – Ты носишь с собой курай? Играть на нём умеешь?

– Умею. Но не так, как сэсэн.

– И не надо как они. Они играют для людей. Ты должен

сыграть для леса. Для камня. Не мелодию, а... шум. Шум ветра в иголках сосны. Плеск воды на камнях. Скрип веток. Слушай вокруг целый день, а вечером попробуй повторить. Если лес отзовется тишиной – это хорошо. Значит, слушает. Если отзовется эхом – значит, ты на верном пути. Если же отзовется рыком... – Рахим тяжело вздохнул, – тогда беги, не оглядываясь. Потому что это будет уже не эхо.

Он начертил Айтугану карту углём на куске бересты: извилистая линия, уходящая вглубь гор, петляющая между двумя озёрами, которые на карте были похожи на глаза, и упирающаяся в кружок с отметкой – зубчатый символ, напоминающий оскал.

– Дойдёшь до Каменных Стражей – двух скал, что стоят друг напротив друга как ворота. Там остановись. Не иди дальше, пока не сыграешь и не получишь ответ. Ответ придёт не словами. Может, птица сядет на плечо. Может, ветер переменится. Может, камень сдвинется с места. Читай знаки. Это единственная грамота, что имеет значение в тех местах.

Айтуган взял берестяную карту, чувствуя, как под пальцами шершавая поверхность будто хранит тепло давно угасшего костра. Он поблагодарил и уже повернулся уходить, когда голос Рахима остановил его:

– И ещё, парень... Твой дед, уходя туда в последний раз, сказал мне одну вещь. Сказал: «Я слышу, как горы поют на краю света. И в их песне есть нота, которая ждёт следующего

певца». Может, это ты и есть. А может, и нет. Но твоя дорога началась не в Белой юрте. Она началась задолго до твоего рождения. Ты просто наконец сделал первый шаг.

Обратный путь через лес к аулу занял несколько часов. Айтуган шёл, и каждый звук – треск ветки, щебет птицы, отдалённый рёв оленя – теперь казался ему частью неведомого языка. Он вынул курай и просто подул в него, извлекая тихий, неровный звук. Ничего не произошло. Лес оставался лесом.

Но когда он вышел на опушку и перед ним открылся вид на долину, где серела лента Агидели, и на далёкие синие силуэты хребтов Крыкты, что-то щёлкнуло внутри. Он вспомнил слова эпоса, которые ему в детстве нараспев читала мать: *«И сказал тогда Урал-батыр: «Земля должна жить вечно!» И ударил своим мечом-молнией о землю, и от удара того родилась река, побежавшая в сторону солнца. И назвал он её Агидель, Белая Река, дочь свою старшую...»*

Он смотрел на реку, и ему вдруг показалось, что он видит не просто воду. Он видит течение времени, видит серебряную память земли, текущую из тьмы горных недр навстречу свету. И если Агидель – это память, то что такое горы? Хранилища этой памяти? Стражи? Или... могилы?

Мысль была холодной и неприятной. Он встряхнулся, поправил кошель с землёй на поясе. Завтра на рассвете он выйдет на Волчий Узкой. Он ещё не знал вопросов, но теперь хотя бы знал, где искать того, кто, возможно, знал ответы.

А в кошеле, тёплом от тепла его тела, семь горстей земли с семи порогов аула Карагай-Юрт тихо ждали своего часа. Ждали момента, когда им придётся напомнить наследнику, чью землю он носит с собой. И какую цену имеет её покой.

География и мифы главы

Аул Карагай-Юрт (развитие) : Показаны внутренние ритуалы и социальная структура аула (роль женщин, старейшин).

Хребет Машак : Упомянут как отправная точка поисков «Волчьего Узкого» – древней тотемной тропы.

Река Агидель (Белая река) : Впервые визуально представлена как географический и мифологический ориентир («серебряная память земли»). Цитирован фрагмент эпоса «Урал-батыр» о её происхождении.

Священные горы (Иремель, Ямантау, Шайтан-Тау, Караташ и др.) : Перечислены как источники силы в воде семи родников, собранной старейшинами.

Глава 3. След Волчьего Вожака

Рассвет застал Айтугана уже на тропе, ведущей в глубь хребта Машак. Воздух здесь был другим – густым, насыщенным запахом влажного мха, прелой хвои и чего-то древнего, каменного. Словно время текло медленнее, застревая в папоротниковых чашах и оседая инеем на седых лишайниках. Карта Рахима, берестяная пластина у него за пазухой, казалось, теплела в такт шагам, будто живой проводник.

Хребет Машак не был похож на величественного исполина Ямантау или священного исполина Иремеля. Это была не одна гора, а целая страна гор – зубчатая, запутанная, разорванная глубокими ущельями-каньонами, которые местные звали «тарханами». Здесь, по преданиям, в давние времена скрывались от вражеских набегов целые роды, а в пещерах, что зияли в бортах скал как чёрные глазницы, проводили свои обряды шаманы-батыры, искавшие единения с духами земли. Говорили, что Машак помнит каждый шёпот, сказанный под его сенью, и хранит его в подземных реках, чей гул иногда доносился до поверхности сквозь толщу камня.

Айтуган шёл вдоль речки Машак, что петляла по дну ущелья, то исчезая под нагромождениями валунов, то вырываясь наружу с серебряным смехом. По старым сказаниям, эту речку выкопал когтями гигантский барс, искавший воду для своих детёнышей, и с тех пор её извилистое русло хранило

звериную грацию и скрытую силу. Солнце едва пробивалось сквозь переплетение кедровых крон и пихт, стоявших как молчаливая стража. Тишина была особенной – не безмолвной, а наполненной: шелестом хвои, перекличкой невидимых птиц, далёким плеском воды. И ещё чем-то. Ощущением пристального взгляда в спину.

К полудню, сверяясь с картой, Айтуган вышел к месту, которое Рахим отметил, как «Глаза Леса» – двум небольшим, но глубоким озёрам цвета окисленной меди, лежащим зеркально друг против друга. Вода в них была абсолютно неподвижна, будто не вода, а расплавленное стекло, залитое в каменные чаши. По легенде, в этих озёрах утонули две сестры-колдуньи, сошедшиеся в поединке за власть над лесными духами, и с тех пор их взгляды, обращённые друг на друга сквозь толщу горы, делали воду тяжёлой и бездонной. Переходить между ними нужно было по узкой каменной гряде, и Айтуган, ступая, невольно задержал дыхание. Отражения в чёрной воде были искажёнными, растянутыми, будто принадлежали не ему, а какому-то другому, более древнему путнику.

За озёрами тропа, и без того едва заметная, стала совсем призрачной. Пришлось продираться сквозь заросли карликовой берёзы и стланика, цеплявшегося за одежду колючими лапами. Воздух становился холоднее. И вот, в разрыве вековых кедров, он увидел Их.

Каменные Стражи.

Две исполинские скалы-останцы, выше самых высоких деревьев, вставали по обе стороны древнего русла, высохшего миллионы лет назад. Они не были похожи на груды камня. В них с первого взгляда угадывались неестественные, почти архитектурные формы: складки, напоминавшие доспехи, выступы, похожие на плечи и шлемы, а в верхних частях – углубления, смотревшие на тропу подобно пустым глазницам. Солнце, скользнув по гранитным бокам, высветило на поверхности диковинные узоры – спирали, зигзаги, фигуры, похожие на бегущих оленей или падающих птиц. Это были не высеченные рисунки, а сама структура камня, проявленная ветром и водой за тысячелетия, но совпадение было пугающим. Местные называли их «батыр-таш» – каменные богатыри. Предание гласило, что когда-то это были живые воины, защитники горных проходов. За предательство или за великую провинность духи обратили их в камень, приказав вечно стоять на страже, и души их до сих пор бродят в окрестных лесах, тоскливые и неприкаянные.

Узкий проход между Стражами был усыпан мелкой, звенящей щебёнкой. Никакой растительности. Тишина здесь была абсолютной, гнетущей. Даже ветер, гулявший выше, в кронах, не заходил сюда. Айтуган остановился, как велел Рахим. Сердце колотилось где-то в горле. Он снял с плеча котомку, достал курай. Пальцы, привыкшие к твёрдой хватке лука, казались неуклюжими и деревянными.

«Сыграй для леса. Не мелодию, а шум», – вспомнились

слова лесника.

Он закрыл глаза, пытаясь отогнать навязчивое чувство, что пустые глазницы каменных гигантов устремлены на него. Он стал слушать. Сначала – лишь стук собственной крови в висках. Потом, прорвавшись сквозь этот гул, он уловил отдалённый шелест листвы за спиной, еле слышное журчание где-то глубоко под камнями, тонкий, как игла, писк летучей мыши в расщелине. Он поднёс курай к губам и попытался воспроизвести этот хаос жизни – нестройный, прерывистый, лишённый всякой человеческой логики.

Первый звук вышел сдавленным и жалким, потерявшимся в каменном мешке. Второй – чуть чище. Айтуган забыл о Стражах, забыл о задании, забыл обо всём, кроме попытки услышать и повторить. Он дул, зажимая и открывая отверстия, меняя силу дыхания. Получалась не песня, а странный, дикий звуковой ландшафт: вот сухой треск ветки, вот перелив капли, вот шорох ползущей ящерицы по горячему камню.

Он играл, сам не зная сколько. И когда его сознание уже начало уплывать, растворяясь в этом медитативном действии, он вдруг осознал, что тишина вокруг изменилась. Она не исчезла, а... натянута. Стала плотной, как шкура барабана. Звуки леса за его спиной стихли. Давление в ушах возросло.

И тогда из самой глубины прохода, оттуда, где тень лежала гуще всего, донёсся ответ.

Это не было эхом. Это был голос самого камня, гортани земли – низкий, гулкий, вибрирующий под ногами звук, который нельзя было воспроизвести ни одним инструментом. Он не повторял мотив Айтугана. Он был его зеркальным отражением, его тенью в мире минералов. Там, где у Айтугана был писк, – здесь был скрежет, где перелив – глухой удар, где шорох – тяжелое, медленное скольжение.

Айтуган замер, прервав игру. Ответный гул стих, но ощущение присутствия не исчезло, а усилилось. Воздух между Стражами стал резко холоднее. Внезапно ему показалось, что левый Страж – тот, что пониже, с обломанной «головой» – слегка, на сантиметр, может, на миллиметр, сместился. Не сдвинулся с места, а именно изменил свою позу, наклонив «плечо» вперёд. Ледяной пот пробежал по спине.

«Если отзовётся рыком... беги».

Рыка не было. Было нечто иное. В застывшем воздухе перед ним, как бы из самой горной породы, начал проявляться запах. Сначала – запах сырой земли и гниющих корней. Потом – острый, терпкий дух хвои, разогретой солнцем. Затем – медвяный аромат цветущего маральника. И наконец – пряный, тёплый, животный запах... шерсти. Волчьей шерсти.

Перед ним, в трёх шагах, в пространстве, где секунду назад была пустота, возникло марево. Сначала просто дрожание воздуха, как над раскалёнными камнями. Потом оно сгустилось в силуэт. Огромный, крупнее любого лесного вол-

ка, полупрозрачный контур зверя. Он стоял, не двигаясь, и смотрел на Айтугана горящими углями глаз, в которых не было злобы, но была бездна древнего, нечеловеческого знания. Пасть не была оскалена. Казалось, он просто ждал.

Айтуган понял. Это и был вопрос. И ответ должен был быть не словом, не игрой, а... действием. Жестом. Но каким? Инстинкт подсказывал упасть на колени или отпрянуть. Но разум, напрягшийся до предела, кричал, что это будет ошибкой. Волк-прародитель не поклоняется. Он либо принимает, либо отвергает.

Вспомнив ритуал женщин, Айтуган медленно, чтобы не спугнуть видение, опустил руку в свой поясной кошель. Его пальцы нащупали не землю, а прохладный глиняный кувшинчик Гульбики. Ключ. Он вытащил его, выдернул пробку из засмолённой бересты и, не отрывая взгляда от горящих углей, поднёс к губам. Он отпил один глоток.

Вода ударила в небо не холодом и не влагой. Это был удар... воспоминаниями. Вернее, чужими ощущениями. Он почувствовал во рту вкус снега с вершины Иремеля, солоную горечь соляного грота у Ямантау, медовую сладость луговой травы с предгорий Караташа. Семь родников заговорили на его языке. И он понял, что должен сделать.

Не опуская кувшинчика, он сделал шаг вперёд, навстречу призрачному Волку. Потом ещё один. Они разделяли теперь лишь полшага. Запах шерсти, дикий и настоящий, ударил в нос. Айтуган замер. И затем, движением, которое не было

продумано, а вышло из самой глубины его существа, он протянул руку с открытой ладонью вперёд, туда, где должна была быть морда зверя.

Он ожидал, что рука пройдёт сквозь марево. Но вместо этого пальцы коснулись чего-то плотного, упругого, тёплого. Не шерсти, а самой энергии, сгустка силы. В ту же секунду в его сознание хлынул поток образов, звуков, чувств:

Бескрайняя тундра под луной, бег стаи, лёгкий и стремительный, как ветер... Голод, выворачивающий нутро... Переход через покрытые льдом горы, где за спиной выли непогребённые духи... И наконец – эта долина, солнце над Агиделью, и выбор: остаться зверем или стать чем-то большим... Принятие...

Это была не история, а память. Память рода. Волк не просто привёл предков. Он отдал им часть своей сущности, своей воли к жизни, своей связи с землёй. И ушёл в камни, в леса, в сам воздух, став их вечным хранителем. Наследие – это не слава. Это долг. Это обещание защищать то, что тебе доверили, с яростью и верностью волка.

Прикосновение оборвалось. Силуэт стал таять, растворяясь в воздухе, как дым от костра. Но, прежде чем исчезнуть полностью, призрачная голова зверя наклонилась и... коснулась холодным, невесомым носом лба Айтугана.

Точка соприкосновения вспыхнула ледяным жжением, которое мгновенно сменилось глухим, тёплым шрамом под кожей. Видение исчезло. Давление спало. Лесные звуки вер-

нулись – яростно, как поток, прорвавший плотину. Айтуган пошатнулся, опираясь о холодный бок каменного Стража. Под пальцами гранит был теперь просто гранитом – мёртвым, незыблемым.

Испытание было пройдено. Язык был услышан. Но ответ, который он получил, был не направлением. Это было пробуждение. Внутри что-то щёлкнуло, встало на место. Груз кошель с землёй на поясе перестал давить – он стал частью его веса, его массы. А в ушах, поверх шума леса, теперь звучал новый, едва уловимый звук – ровное, мощное биение, доносившееся сквозь подошвы сапог. Биение сердца гор. Оно шло с юго-запада, откуда-то из-за спины Машака.

Он знал, куда идти. Не по карте, а по этому новому, внутреннему пульсу. Путь лежал к Агидели. К старшей дочери, к Белой реке. Именно она, текущая память земли, должна была стать его следующим собеседником.

Он бросил последний взгляд на Каменных Стражей. Теперь они казались просто скалами. Но в глубине пустых глазниц ему показалось, что на миг мелькнул ответ – не солнечный зайчик, а тихое, древнее удовлетворение. Стражники вновь обрели покой. Хотя бы на время.

Айтуган повернулся и зашагал прочь из каменных врат, уже не озираясь на следы. Он сам теперь был следом. Следом Волчьего Вожака, наконец-то нашедшего своего нового проводника в мире людей. И где-то в глубине леса, далеко-далеко, раздался одинокий, протяжный вой – не угрожающий,

а словно бы утверждающий, отмечающий новую главу в старой-старой песне.

География и мифы главы

Хребет Машиак (детализация) : Описана его география («страна гор», глубокие ущелья-тарханы), история (убежище родов, место шаманских обрядов) и особая атмосфера («время течёт иначе»).

Река Машиак : Введена в повествование с упоминанием легенды о её происхождении (след барса).

Озёра «Глаза Леса» (вымышленные, но в духе региона) : Два зеркальных озера с тяжёлой водой, связанные с легендой о поединке колдуний.

«Каменные Стражи» (батыр-таш) : Скалы-останцы, напоминающие воинов. Описаны их внешний вид, древние петроглифы и легенда о проклятых батырах, обращённых в камень.

Тропа Волчьего Вожака : Мифологическая тропа, ведущая к месту силы тотема-прародителя.

Глава 4. Брод Аждахи

Выход из владений Машака занял два дня. Внутренний пульс, отныне звучавший в груди Айтугана ровным, тяжёлым гулом, вёл его не по тропам, а напрямик – через буреломы, по каменистым осыпям, вдоль ручьёв, рождённых из слёз ледников. Он шёл, почти не чувствуя усталости, будто кто-то делился с ним силой спящей земли. Кошелёк с землёй аула и кувшинчик с водой семи родников больше не казались грузом – они стали компасом и ключом.

На третий день сквозь частокол стволов забрезжил иной свет – не зелёный и приглушённый, а серебристо-серый, подвижный. И послышался новый звук, вплетающийся в каменное биение: мощный, непрерывный гул, рокот тысяч тонн воды, встречающей преграду. Это было дыхание Агидели. Но не той ласковой, песенной Агидели из долины его дома. Это была Агидель в гневе, Агидель-прародительница, пробивающая себе путь сквозь горные тиски.

Тропа вывела его на высокий, обрывистый берег. Дух захватило. Внизу, в глубоком каньоне, чьи стены были изъедены водой до блеска чёрного и медного гранита, бушевала, клокотала и пенилась река. Это был знаменитый Павловский плёс, одно из самых узких и яростных мест течения Белой. Вода, цвета холодной стали, с рёвом бросалась на подводные камни-«быки», вздымая гривы белой пены выше вершин со-

сен. Воздух дрожал от влажного тумана и гула, заглушающего все мысли. Здесь Агидель была не дочерью, а воительницей.

Именно здесь, по преданию, которое Айтуган слышал от старого рыбака, обитал или, вернее, сторожил брод Аждаха – дракон местных легенд, змееподобный дух вод, хранитель глубин и переправ. Говорили, что в старину, чтобы перейти реку в этом месте, нужно было принести ему жертву – не золото, а память: рассказать историю, которую ещё никто не слышал, или спеть песню, рождённую от искренней печали. Иначе Аждаха затянет в водоворот.

Айтугану нужно было перебраться на другой берег. Путь, который он ощущал, вёл туда, к подножию синеющих вдали хребтов Крыкты. Но брод в таком кипятке был невыносим. Он осмотрелся и заметил в сотне шагов вниз по течению нечто рукотворное: полуразрушенный, скривившийся сруб, похожий на древнюю заимку или аманат (место оставления залога). Подойдя ближе, он понял, что это остатки «Кузнецовой избушки» – пристанища отшельников-староверов или одиноких охотников, о которых ходили легенды ещё в его детстве. Стены были покрыты таинственными зарубками, не похожими на промысловые метки. Присмотревшись, Айтуган узнал в них стилизованные изображения волн, змей и... крыльев. Знаки Аждахи.

Внутри пахло сыростью, золой и сушёной полынью. На грубо сколоченном столе лежала потрёпанная тетрадь в ко-

жаной обложке. Из любопытства Айтуган открыл её. Это был дневник. Чернила выцвели, почерк был неровным, торопливым.

«...ветер с востока три дня, вода поднялась на три пяди. Принёс в жертву лучший нож. Тишина. Он не принимает железо...»

«...старик из сторожки сказал: «Ему нужно не твоё, а твоё прошлое. То, что болит». Что болит у меня? Память о дочери, унесённой этой же рекой весной? Но это моя боль, не его...»

«...пытался играть. Курай мой звучал как плач. Вода в ответ прислала на берег старую, истёртую ветром бересту с рисунком. На ней – гора и река, текущая вверх...»

Последняя запись обрывалась. Айтуган почувствовал холодный укол в груди. Он понял, что этот неизвестный пытался договориться с духом и, возможно, не преуспел. Он вышел из избушки и подошёл к самому краю берега, где пена лизала чёрные валуны. Гул воды был всепоглощающим.

– Что тебе нужно? – крикнул он в рев реки, зная, что его слова утонут, но надеясь, что намерение будет услышано.

Ответ пришёл не как звук. Вода перед ним, в месте, где течение сталкивалось с подводной скалой, внезапно изменила рисунок. Вихри сложились во вращающийся круг, а в его центре водная гладь потемнела, став абсолютно чёрной и гладкой, как зеница ока. Из этой черноты на поверхность медленно всплыл предмет. Его прибило к камням у ног Ай-

тугана.

Это была не береста. Это была старинная башкирская женская нагрудная подвеска – яга из тонкой серебряной проволоки, со вставкой из потускневшего сердолика в форме слезы. Украшение было древним, почерневшим от времени, но не тронутым ржавчиной. Айтуган осторожно поднял его. В ладони яга была ледяной. И в тот момент, как его пальцы сомкнулись на металле, гул реки в его ушах преобразовался. Он не стих, а... обрёл смысл. Это был не просто шум. Это был голос. Низкий, многоголосый, на грани слуха.

«...моё ложе – это рана земли... моя песня – это плач по тем, чьи имена стали пылью... принеси мне не свою боль... принеси мне ту, что старше тебя... ту, что хранит камень...»

Голос был не в ушах, а прямо в костях. Айтуган задрожал. Он понял. Аждаха, дух-хранитель брода, был не чудовищем. Он был архивом, живой летописью реки. Он принимал в своё лоно не жертвы, а истории, чтобы они не были утеряны. И чтобы получить право перехода, нужно было поделиться с ним памятью, которая не принадлежала тебе лично, но была частью земли, которую ты нёс с собой.

Айтуган взглянул на кошелёк с землёй. Он развязал его, достал щепотку. Но нет, этого было мало. Он вспомнил кувшинчик – воду семи родников. Ключ к слуху земли. Он отпил ещё один глоток, на этот раз готовый к потрясению. И снова вкусы и ощущения ударили в него, но теперь, с ледя-

ной ягой в одной руке и глиной в другой, они сложились в картину.

Он увидел не себя. Он увидел женщину. Молодую, в одежде старого покроя, с такой же ягой на груди. Она стояла на этом же берегу, но река была тише, а на том берегу дымились не хвойные леса, а стойбища. Она плакала, глядя на воду, а потом с решимостью сняла с шеи украшение – фамильную реликвию, передававшуюся от матери к дочери, – и швырнула его в реку. Не в гневе. В дар. В выкуп. За своего ребёнка, которого унесла весенняя Агидель. Это была не просьба вернуть. Это был акт доверия: «Возьми самое дорогое, что связывает меня с родом, но сохрани её имя в своих водах. Пусть она станет частью твоего течения, частью твоей памяти».

Видение рассеялось. Слёзы подступили к глазам Айтугана. Он понял боль той женщины, её жертву и её страшную, очищающую любовь. Эта память хранилась в реке. А теперь – и в нём.

Он опустился на колени у самой воды, стихнувшей перед чёрным оком водоворота. Он зажал в одной руке ягу, в другой – щепотку земли из кошеля. Он не стал говорить. Он пропел. Звук вышел из его гортани хриплым, сдавленным, лишённым мелодии, но наполненным тем, что он только что пережил – чужой тоской, чужой потерей и вечной связью, которую эта потеря создала между человеком и рекой.

Он пел о матери, отдавшей реке своё сердце в куске се-

ребра. Он пел о дочери, ставшей частью течения. Он пел о памяти воды, которая помнит всё.

Когда его немудрёная песня смолкла, гул реки изменился. Рев утих, превратившись в глубокое, мерное бормотание. Водоворот с чёрным центром медленно рассосался. А прямо перед Айтуганом, из воды, начали подниматься камни. Не мираж – реальные, покрытые слизью валуны, образующие неровную, но явственную линию через самое узкое место плёса. Брод. Он проступал на несколько минут, только для него.

Без раздумий Айтуган встал и ступил на первый камень. Вода бушевала по колено, пытаясь сбить с ног, но каждый камень под его ступнёй казался незыблемым. Холод пронизывал до костей. На середине реки, где течение было сильнее, ему почудилось, что в зеленоватой глубине мелькнуло что-то огромное, гибкое и покрытое не чешуёй, а чем-то вроде тёмного, отполированного водой дерева. Огромный, беззлобный глаз посмотрел на него снизу вверх и медленно мигнул. Это не было страшно. Это была проверка.

Айтуган не остановился. Он нёс в себе принятую память, и этого было достаточно. Он достиг противоположного берега, обернулся. Каменная цепь медленно скрывалась под водой, будто её и не было. Брод Аждахи закрылся.

Он был на другом берегу. Путь к хребтам Крыкты был открыт. В его руке всё ещё была зажата ледяная яга. Он не стал класть её в кошель. Он аккуратно продел через неё креп-

кую нить из распущенной тесьмы своей одежды и повесил на шею, под рубаху. Металл касался кожи, постепенно согреваясь. Это был не трофей. Это был аманат – залог, свидетельство состоявшегося договора. Теперь часть памяти Агидели текла с ним.

Он посмотрел на вздымающиеся впереди синие вершины Крыкты. Сорок богатырей. Следующая глава песни ждала. А внутри, поверх биения сердца гор, теперь отчётливо слышался ещё один ритм – спокойный, вечный ритм великой реки, принявшей его дар. Он сделал ещё один шаг вглубь страны мифов. Он больше не был просто наследником. Он стал носителем. И его ноша, от этого, стала и легче, и неизмеримо тяжелее.

География и мифы главы

Река Агидель (Белая) : Ключевая локация главы. Описан её характер в районе Павловского плёса (водохранилища) – мощный, горный, опасный. Раскрыта её мифологическая роль как «памяти земли» и живой летописи.

Брод Аждахи : Мифологическая локация, основанная на поверьях о духах воды (Аждаха – дракон/змея). Вписана в реальную географию бурного течения Агидели.

Хребет Крыкты : Указан как следующая цель пути героя, визуальный ориентир, формирующий эпический ландшафт.

Глава 5. Слёзы Агидель

Путь к подножию хребта Крыкты занял еще несколько суток. Внутренний компас, состоящий теперь из трёх ритмов – удара сердца гор, течения речной памяти и тихого шелеста волчьей сущности под кожей, – вёл Айтугана безошибочно. Местность менялась. Сосновые боры сменялись светлыми берёзовыми рощами-колками, а те уступали место каменистым плато, с которых открывался вид на главную цель.

Крыкты вздымался на горизонте не сплошной стеной, а чередой отдельных, причудливых вершин-останцов. Каждая стояла особняком, как гигантский каменный зуб или палец, указующий в небо. Согласно легендам, в этих скалах и правда было застыло сорок батыров, некогда защищавших проходы через Урал. Но не по злой воле, а по обету: они добровольно обратились в камень, чтобы их души вечно сторожили покой долин. В полнолуние, говорили старики, можно услышать, как они переговариваются – скрипом камня о камень, шорохом осыпающейся породы.

Подойдя ближе, Айтуган увидел удивительную вещь: со многих скал струились тонкие, серебряные нити водопадов. Они были непохожи на яростные потоки горных рек. Это были слёзы. Медленные, почти вертикальные струйки, сбегавшие по тёмным, словно оплаканным, щекам скал. Воздух здесь был напоен влагой и звоном – тихим, хрустальным пе-

резвоном тысяч падающих капель. Это и были «Слёзы Агидель» – место, где, по преданию, старшая дочь Урал-батыра оплакивала своего отца, превратившегося в горы. Её слёзы, падая на камень, дали начало бесчисленным родникам, питающим подножие.

Айтуган искал среди этого каменного леса одну конкретную скалу – ту, что в легендах именовалась «Колыбелью Ветра». Гульбика, давая наставления, шептала: «Когда найдёшь место, где слёзы реки встречаются с дыханием гор, ищи лицо в камне. Оно укажет, где слушать». Он долго блуждал меж гигантов, пока не наткнулся на небольшое, почти круглое озерцо, подпитываемое десятками струй. Вода в нём была неестественно синей и неподвижной. А напротив, на гладкой, отполированной водой и ветром стене скалы, он увидел это.

Эрозия выточила в камне удивительный рельеф: очертания, напоминавшие скорбное женское лицо с закрытыми глазами и развевающимися, как потоки, волосами. Это было не грубое нагромождение, а утончённое, печальное изваяние, созданное самой природой. «Лик Агидели». У его подножия лежали приношения – засохшие пучки полыни, старые монеты, вложенные в расщелины, и несколько тронутых ржавчиной наконечников стрел. Это место почиталось.

Айтуган сел на плоский камень у воды, лицом к Лику. Что значит «слушать» здесь? Он уже слышал голос реки. Что ещё она могла сказать? Он достал курай, но не стал играть. Вме-

сто этого он закрыл глаза и попытался раствориться в окружающем звуке – в вечном плаче воды.

Сначала это был просто хаотичный звон. Но постепенно, как когда-то в проходе между Стражами, его сознание начало улавливать порядок. Капли падали не просто так. Они выстукивали ритм. Ритм, знакомый до боли, – ритм колыбельной, которую пела ему мать в детстве. Но в этой колыбельной были слова, вернее, их отголоски, наполовину стёртые временем и шумом:

*«...спи, земля... спи, дитя моё... твой отец – камень...
твоя мать – слеза... я тебя... не покину... я – твоё русло...»*

Это был голос Агидель. Но не гневный, как у брода Аждахи, а бесконечно усталый и полный любви. Голос хранительницы, принявшей на себя бремя памяти и несущей его тысячелетия.

– Что ты хранишь? – мысленно спросил Айтуган, не открывая глаз. – Что, кроме памяти о боли?

В ответ тишина не наступила. Звон капель усилился, слился в единый поток звука, и в нём проступил новый образ. Он увидел не слезу, а две слезы. Две струи, текущие рядом из одного источника, но в самом начале они были одной каплей. И вот эта капля разделяется на две сестры: одна – светлая, прозрачная, устремлённая к солнцу (Агидель). Другая – тёмная, тяжёлая, уходящая вглубь земли (Караидель). Это было рождение. И он понял, о чём молчит песня Агидель. Она оплакивает не только отца. Она оплакивает сестру.

Ту, что ушла во тьму, чтобы питать корни мира, и с которой они больше не могут говорить на одном языке.

Легенда обрела плоть. Разделение вод было не просто географическим фактом. Это была метафора великого раскола, дуальности мира: света и тьмы, поверхности и глубины, жизни и её скрытой, подземной стороны. И Агидель, текущая на поверхности, страдала от этого разрыва.

– Шульган, – прошептал Айтуган, открыв глаза. Брат-противник Урала, предпочитающий тьму, смерть и подземные владения. Караидель, Чёрная река, была его владением, его воплощением в мире вод. Холод из Ташлытау, губящий жизнь... это было дыхание не просто Шульгана, а ожившей, оскорблённой Караидель? Или, может, её пробуждение?

В этот момент луч заходящего солнца, пробившись сквозь гряды облаков, упал прямо на Лик Агидели в скале. И случилось чудо: отполированный камень на мгновение вспыхнул ослепительным серебром, слепящим, как живая вода. В этом свете Айтугану показалось, что закрытые каменные веки дрогнули. И прямо перед ним, на поверхности неподвижного синего озера, возникло отражение. Не его, не скал. Отражение второго лица. Сурового, мужского, с бородой из каменных сосуллек и глазами-пещерами. Это длилось доли секунды. Лик Караидели. Подземной сестры.

Отражение исчезло, но в память врезалось навсегда. Айтуган почувствовал не страх, а щемящее понимание. Задача была не в том, чтобы «победить» зло. Задача была в том,

чтобы воссоединить. Услышать песню не только света, но и тьмы. Найти точку, где слёзы Агидель встречаются с чёрными водами Караидели. Там, наверное, и был источник всего – и живой воды, и мёртвой.

Он встал, поклонился Лику в скале и бросил в озеро свою дань – не монету, а горсть земли из кошель. Земли с порога своего дома. «Для тебя, – подумал он. – Чтобы помнила, что охраняешь не только камни».

Ритмы внутри него снова сместились. Теперь к гулу гор и течению реки добавилась тихая, неизбывная грусть разделения. И новый импульс, острый и ясный, указывал ему не просто вглубь Крыкты, а вниз. К подножию самой высокой из сорока скал, где, согласно карте Рахима, был вход в систему пещер, уходящих в недра. Туда, где начиналась власть камня и тьмы. Туда, где, возможно, спала или томилась в гнев еë тёмная сестра.

Путь под землю пугал его больше, чем встреча с духом волка. Но другого направления не было. Чтобы сложить песню, нужно было услышать все еë партии, даже те, что поются в кромешной тьме.

Он повернулся спиной к плачущим скалам и направился к чёрному провалу у подножия каменного богатыря. Вечерние тени уже сгущались, наполняя пространство между сорока стражами синевой, похожей на воду Караидели. Скоро наступит ночь – время, когда тёмная сестра становится сильнее.

География и мифы главы

Хребет Крыкты (детализация) : Дано описание его внешнего вида (отдельные скалы-останцы), объяснена этимология названия («Сорок») и приведена ключевая легенда о сорока обратившихся в камень батырах-стражах.

«Слёзы Агидель» : Мифологическая локация, природный феномен (множество тонких водопадов), объяснённый легендой о плаче дочери по отцу-Уралу.

«Лик Агидели» в скале : Конкретное почитаемое место – природное каменное изваяние, напоминающее женское лицо, место тихого общения с духом реки.

Река Караидель (Чёрная река) : Введена в мифологический контекст как тёмная сестра Агидель, ассоциируемая с подземными водами и силами Шульгана. Объяснена её связь с основной интригой (холод, идущий из недр).

Пещеры у подножия Крыкты : Упомянуты как реальный географический объект (карстовые районы Южного Урала) и как сюжетный ориентир – путь «вниз», к подземным силам.

Глава 6. Озеро, Рождённое Грозой

Провал у подножия каменного великана оказался не просто пещерой, а зевом. Холодный, сырой воздух, пахнущий глиной, плесенью и чем-то металлическим, вытекал наружу, словно последнее дыхание спящего в недрах исполина. Айтуган зажёл смолистую лучину, её трепетный свет отскакивал от влажных, отполированных водой стен, уходящих в непроглядную черноту вниз. Спуск был крутым, по естественным уступам, похожим на гигантские ступени. С каждым шагом вглубь три ритма в его груди – горный гул, речное течение и шепот волка – менялись. Первые два приглушались, словно их заглушала толща камня. А вот волчье начало, напротив, ощущалось острее: здесь, в преддверии подземного мира, пробуждались древние инстинкты, настороженность, готовность к встрече с тем, что не знает солнца.

Он спускался долго. Лучина догорела почти до основания, когда сквозь тишину, нарушаемую лишь падением капель, донёлся новый звук. Не звон, как у Слёз Агидели, а ровный, мощный, беззховый шум – глубинный гул текущей массы. Воздух стал ещё холоднее и ощутимо плотнее, в нём висела водяная пыль. И тогда туннель вывел его на невероятный простор.

Пещера была колоссальных размеров, её свод терялся в темноте на недостижимой высоте. Но поражало не это. По-

среди подземного зала, освещённого странным, фосфоресцирующим светом голубоватых мхов и грибов на стенах, лежало озеро. Его воды были абсолютно чёрными и неподвижными, как расплавленный обсидиан. Это и был исток Караидели в самом прямом, мифологическом смысле – Чёрная река, рождённая в утробе земли. Айтуган подошёл к самому краю. Лучина, поднесённая к воде, не отражалась. Она будто проваливалась в эту черноту, теряя силу. Здесь царила тишина иного порядка: не мирная, а поглощающая, всепоглощающая.

Он понял, что зашёл в тупик. Этот путь вёл только сюда, к этому мёртвому зеркалу. Развернуться и уйти? Но внутреннее чувство подсказывало, что именно здесь нужно искать ответ. Вспомнились слова стариков об озере Асылыкуль, что родилось от гнева земли, поглотив гору. Что, если эта подземная полость – её сестра-близнец, её корень? Место, где земля не извергала воду наружу, а заключила её в свои каменные объятия навеки.

Он опустился на колени у воды и, не зная, что ещё сделать, вынул из-под рубахи ягу – серебряную подвеску, полученную от Аждахи. Ледяной металл слабо блеснул в свете гнилушек. Айтуган не стал бросать её в озеро. Вместо этого он протянул руку так, чтобы подвеска коснулась поверхности чёрной воды.

Контакт был мгновенным и шокирующим. Чёрная вода не смочила металл. Она словно прилипла к нему, потянувшись

вверх тончайшими, почти невидимыми нитями. В тот же миг яга на его ладони стала невыносимо тяжелой и горячей. Из глубины озера, прямо под ним, в черноте начало проявляться светлое пятно. Оно росло, приближалось, и вот, нарушив идеальную гладь, на поверхность медленно всплыла фигура.

Это была не тень и не призрак. Это была девушка из воды и света. Её тело словно состояло из той же чёрной воды, но внутри мерцало холодным, лунным сиянием, очерчивая силуэт. Длинные волосы струились, как водоросли, лицо было прекрасным и безжалостно печальным. Она стояла на воде, не нарушая её плоскости, и смотрела на Айтугана глазами-безднами.

– Хранительница, – прошептал Айтуган, чувствуя, как леденящий холод исходит от видения, но не отступая.

Существо, бывшее духом этого подземного озера, наклонило голову. Его губы не двигались, но голос зазвучал прямо в сознании Айтугана, тихий, как шелест подземного ручья:

«Ты носишь Память Реки на груди. Зачем ты пришёл в мой Мрак, дитя Солнца и Ветра? Здесь нет песен для тебя. Здесь есть только Тишина и Тяжесть.»

– Я ищу источник Холода, что губит жизнь наверху, – сказал Айтуган, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Ищу голос, что поёт в разломе. Мне сказали, что нужно услышать все партии песни. Даже те, что поются в темноте.

Дух озера медленно провёл рукой по воздуху. За его пальцами потянулся след из чёрного тумана.

«Холод, о котором ты говоришь... это не дыхание. Это Зов. Зов из самой глубокой раны. Там, где лёд никогда не тает, а камень помнит первый удар.»

Она приблизилась, и Айтуган увидел в её сияющих глазах отражение – не своё, а образ высокой, зловещей горы с плоской вершиной. Ямантау.

«Она... Сестра-гора... она помнит больше всех. Её каменное сердце пронзили. И теперь из той раны сочится Старый Холод. Холод, который был здесь до рек, до гор... до самого Урала.»

– Кто пронзил? Шульган?

Водяной дух покачал головой, и её движение вызвало рябь по всему озеру.

«Шульган... лишь страж у раны. Хранитель тюрьмы. Но даже страж может задремать. Или... возжелать того, что хранит. Холод ищет выхода. Он ищет голоса. Он нашептывает спящим водам... и они внемлют.»

Она посмотрела на чёрную воду под ногами. *«Мои сёстры наверху... Агидель... они плачут, потому что чувствуют зов. Зов разъединяет. Чтобы услышать всю песню... нужно найти не источник Холода. Нужно найти первую ноту. Ту, что прозвучала, когда раскололась земля.»*

– Где? – просто спросил Айтуган.

Дух протянул прозрачную руку и коснулся пальцем его лба, в то место, где когда-то призрачный Волк оставил невидимую метку. Ледяной ожог пронзил сознание.

«Ты уже носишь в себе часть Карты. Путь Волка ведёт к силе. Путь Реки – к памяти. Но чтобы найти ноту... тебе нужен Путь Ветра. Ветра, что гуляет меж сорока каменных братьев и поёт им забытые имена. Слушай ветер на перевале Дургэ. Там, где скалы сложены как страницы книги. Он расскажет тебе, куда падал Первый Камень.»

Образ стал расплываться, тускнеть.

«Уходи, носитель Памяти. Мой Мрак тяготит живых. И помни... то, что ты ищешь, не хочет быть спетым. Оно хочет быть единственным звуком во вселенной.»

С этими словами видение рассыпалось на мириады светящихся капель и ушло вглубь чёрного озера. Яга на груди Айтугана снова стала просто холодным серебром. В пещере воцарилась прежняя, давящая тишина.

Он поднялся, ощущая новую тяжесть – тяжесть полученного знания. Угроза была глубже и древнее, чем просто пробудившийся Шульган. Речь шла о какой-то изначальной ране, «первой ноте» раскола. И чтобы понять это, ему нужно было подняться из недр обратно к ветру и солнцу, к перевалу Дургэ.

Обратный путь наверх казался бесконечным. Когда он, наконец, выбрался из зева пещеры, вдохнув полной грудью холодный, но живой ночной воздух, над ним простиралось звёздное небо. Созвездие Семи Девушек сияло прямо над хребтом Крыкты. Он смотрел на звёзды и думал о том, что дух озера назвал его «частью Карты». Карта складывалась:

след Волка, память Реки, гул Гор... и теперь – Путь Ветра.

Он нашёл относительно безопасное место под нависающей скалой, развёл небольшой костёр из сухого стланика. Грея озябшие руки, он вынул кувшинчик Гульбики и сделал маленький глоток. На этот раз вода принесла не видения, а странное, смутное чувство направления – тягу к востоку, туда, где хребет Крыкты встречался с другим массивом.

Перевал Дургэ. Он знал это название. Старики говорили, что это «место, где ветер умный». Там, на высоте, всегда дует, срывая с гребней снег даже летом, и выстукивает на скалах-пластах свои бесконечные песни. Говорили, если долго слушать, можно услышать своё имя, произнесённое на языке, который ты забыл, будучи ребёнком.

Пламя костра трещало, отбрасывая танцующие тени на каменных гигантов вокруг. Айтуган не чувствовал одиночества. Он чувствовал себя вписанным в огромный, сложный механизм, колесо которого, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. Он нашёл не ответ, а правильный вопрос. И следующий шаг был ясен: навстречу ветру, который помнил самый первый крик этой земли.

Перед сном он ещё раз взглянул на ягу, сверкнувшую в огне. Она была уже не просто ключом от брода. Она стала пропуском в мир подземных тайн, печатью, которую признали его хранители. Он спрятал её снова на груди, чувствуя, как холод металла смешивается с теплом его кожи, образуя новый, странный симбиоз. Путь продолжался. Завтра – пе-

ревал.

География и мифы главы

Подземное озеро (исток Караидели) : Мифологическая локация в недрах хребта Крыкты, представляющая собой чёрное, неподвижное озеро как источник и символ тёмных, подземных вод. Раскрыта его связь с силами Шульгана и как «сестра-близнец» озера Асылыкуль.

Хранительница подземного озера (дух Караидели) : Мифологический персонаж, дух-повелительница подземных вод, представленная как прекрасное и печальное существо из воды и света.

Гора Ямантау : Вновь введена в сюжет как ключевая точка. Раскрыта её роль не просто как «злой горы», а как места древнейшей раны («каменное сердце пронзили»), источника «Старого Холода».

Перевал Дургэ (вымышленный, но в духе уральских топонимов) : Новая цель пути героя. Описан как место сильных ветров и «умного» эха, где, по легендам, можно услышать голоса предков или древние истины. Географически расположен в системе хребта Крыкты или на стыке с другим массивом.

Глава 7. Дочь Озера

Путь от подножия Крыкты к озеру Асылыкуль занял больше недели. Перевал Дургэ остался позади, и ветер там действительно пел – протяжно, со свистом в камнях, и Айтугану удалось уловить в этой песне старое название, отзвук: «Тошлы-тау». Гора с провалом. Но теперь его путь лежал не к ней, а к её водному отражению в мире людей.

Дорога шла через светлые, почти парковые сосновые боры, где земля была усыпана мягким ковром хвои, а воздух пах смолой и мёдом. Постепенно лес редел, и впереди засияла огромная водная гладь, обрамлённая пологими берегами и дальними синими силуэтами гор. Асылыкуль.

Озеро не казалось ни мёртвым, как его подземная сестра, ни яростным, как Агидель в плёсе. Оно было величественным, спокойным и необъятным, как море. Ветер гулял по его поверхности, вздымая мелкую рябь, которая сверкала под солнцем миллиардами серебряных чешуек. Но за этим спокойствием, как знал Айтуган, скрывалась глубокая, трагическая история. Именно здесь, согласно преданию, разверзлась земля и поглотила целый аул – не за грехи, как в иных легендах, а за гордыню. Люди возомнили себя равными духам и попытались принудить их служить себе. В наказание гора ушла под землю, а на её месте хлынули воды. Говорили, что в ясные дни на дне можно разглядеть вершины затопленных

сосен, а в полнолуние – услышать азан с затонувшей мечети.

Айтуган пришёл на южный берег, к месту, называемому «Старым Стоянбищем». Здесь когда-то останавливались кочевья, а теперь стояло несколько крепких срубов для редких рыбаков и паломников. Один из них, по словам встреченного им на тропе дровосека, занимала женщина по имени Лейла. О ней ходили странные слухи: мол, она не стареет, живёт у озера одна-одинёшенька, и рыба в её сети идёт сама, а в туманы над водой слышно, как она разговаривает с кем-то невидимым. Её называли то ли безумной, то ли святой, а некоторые шёпотом – Дочерью Озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.